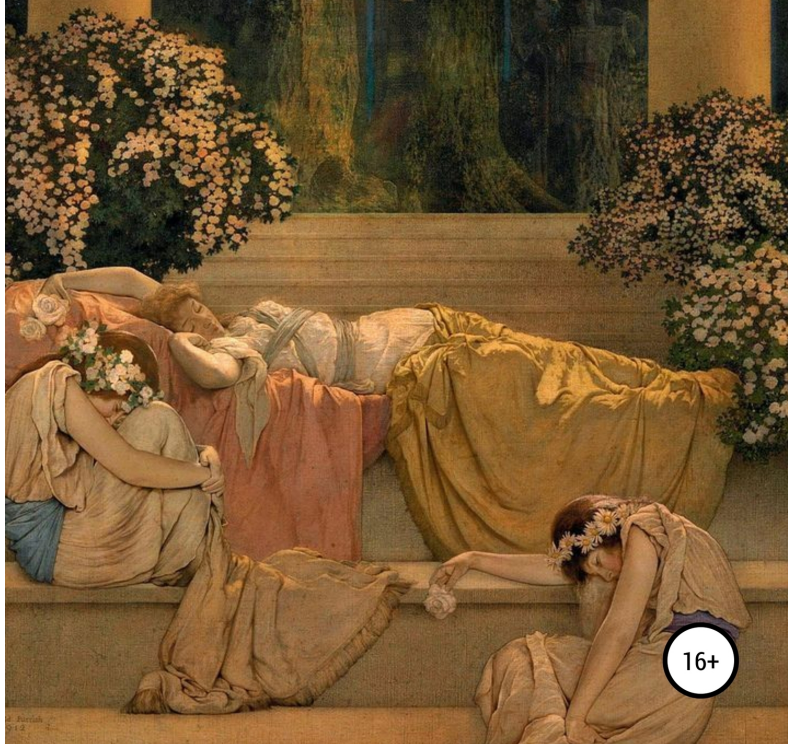

Маргарита Сосницкая

Сны
спящей красавицы

16+

Маргарита Станиславовна Сосницкая

СНЫ СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51807472

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта почти сказочная история о юноше и прекрасной незнакомке. Во сне она волшебным образом поет, а проснувшись, ничего не помнит: ни свой сон, ни прошлую жизнь. Читателю предстоит все это открыть, побывав в саду, в лесу, полюбовавшись старинными драгоценностями, послушав прекрасную музыку, ноты которой приложены к повествованию, превращая его в своего рода музыкальное либретто.

Содержание

1	5
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

«Все приходит и уходит. Но когда кто—то пробуждается, то это уже навсегда».

Будда

1

В наследство Силатору Кровлину остался дом с балконом, смотревшим на площадь Мытимья. За домом пенился полузаброшенный сад с двумя свежими холмами у каменной ограды – место упокоения родителей: матушка хотела, чтоб на её могиле цвёл куст сирени, а на городском погосте, закатанном в камень, гранит и мрамор, кустам не было места. Силатор высадил сирень в саду и ждал от неё букетов.

В доме – большой каменной шкатулке – хранился деревянный ларчик. Силатор, а он был худ, высок и красив предгрозовой красотой, ссутулился над ним, выставив бремя однобокого горба, и тонкими пальцами, – о—о—о! по ним сразу угадывался музыкант, – извлекал из него сверкающие ювелирные создания и подносил к лицу, ещё не знающему лезвия бритвы, но уже поросшему клочками редкого, длинного пуха. Глаза его вспыхивали отблесками камней, и цвет глаз менялся в тон им: от жемчуга они делались перламутрово—стальными, от изумрудных серёг прозрачно—зелёными, сапфировая брошь превратила их в звездное небо, а браслеты с бирюзой, сердоликами и хризопразами в каре—зелёные мутные омуты. Игра камней бередила в душе Силатора брожение: ведь всю эту красоту он потихоньку сбывал, а вырученное тратил на запоздалые уроки игры на скрипке у маэстро Морфона, прекрасно понимая, что начинать учить-

ся музыке в его годы – безнадежно поздно. Переливы колокольчика у входной двери вывели Силатора из тупика мыслей, он быстро убрал ларчик и поспешил на звонок. В двери стоял безупречный идалго с иголки, донкихотистый рыцарь, немного похожий на кощея, немного на доброго домашнего с седыми прядями, спадающими до плеч:

– Доброе утро, маэстро Морфон! – раскинул руки Силатор, словно собирался заключить пришедшего в объятия.

– Доброе, доброе! – поклонился и вошел в дом маэстро. – Как тебе нынче спалось, мой друг?

– Ох, как в тумане, в плывучем облаке, – посетовал Силатор, увлекая маэстро Морфона в гостиную.

– Отлично! – прищелкнул пальцами маэстро. – И что ж ты видел в туманном облаке?

Силатор призадумался:

– Что—то видел. Но что? Забыл, забыл! Проснулся от звенящей молнии, а это, оказывается, было к вашему колокольчику.

– Прекрасно, – маэстро Морфон излучал отличное настроение, – сон в руку! Но главное, помнишь урок! Ты помнишь?

– Ну, естественно, маэстро! Помнил, когда разучивал экзерсисы.

Маэстро Морфон взмахнул руками, изображая игру на скрипке:

– Эх, всю жизнь мечтаю, как вознесусь над толпой, по-

плыву над ней, дирижируя! И она будет мне повиноваться... Эх... если бы толпа меня слушала, то мир давно был бы цветущим садом! Однако, за дело!

Силатор тем временем вытащил из буфета футляр, из футляра скрипку и подтянулся:

– Вчера она пела, точно морская сирена! Заслушаться, заснуть и в небесах проснуться!

Он провел смычком по струнам – маэстро Морфон схватился за зубы:

– М—м—м! Какая сирена?! Пожарная! К тому же испорченная! Ведём по струнам легче, скрипка не полено, а смычок не семь пил!

– Пил? – удивился Силатор. – Я, кстати, ещё и чаю не пил, а уж про завтрак молчу.

– Кто, что, каких пил? Силатор, не отвлекаемся! Пробуем сыграть вместе пассаж, – маэстро отобрал смычок и стал у него за спиной. – Итак, я – твоя правая рука, десница, а ты – моя левая, шуйца. Ты перебираешь струны, я их озвучиваю. Поехали!

Силатор и маэстро Морфон дружно заиграли. Издалека, с перекатами эха донёлся голос скрипки:

– Ах, как грустно мне, скрипке, в футляре томиться,
Где бархатно, душно, ни ниточки света –
Ветшают колки, обечайка и дека
Великой, волшебной артистки.
Когда доиграли, маэстро Морфон кивнул:

– Уже лучше. Правда, ещё не—е—е, – указал смычком на его левую руку, затем продемонстрировал свою правую, – не шуе—десно, но всё—таки.

Силатор взвился от радости:

– Да я о таком с утра и мечтать не смел!

Маэстро Морфон недоверчиво покачал головой:

– А теперь меняемся местами. Ты – моя правая рука, а я твоя левая!

Силатор взял смычок и стал за спиной Морфона, который взял в руки скрипку. Они заиграли и, будто издалека, с перекатами эха донёлся голос скрипки:

– Ах, как грустно мне, скрипке старинной,

Не уводит за собою оркестра.

Но час пробьёт, и сумею я ринуться

Во всемогущие руки Маэстро!

Скрипка замолкла – подал голос маэстро Морфон:

– Теперь да, почти великолепно! Шуе—десно! Чудесно! Так учат ребёнка выводить на бумаге первые буквицы! Держат в своей руке его ручонку с пером и выводят с ним палочки, завитки, загогулилки. Проверенный метод! Поверь старине Морфону!

Силатор воспрянул:

– Вместе мы два крыла!

– Да, но у нас две головы. А твоя задача, чтоб два крыла

были при одной голове, и ты сам перебирал струны и взмахивал волшебной, да, да, поистине вол—л—лшебной палочкой – смычком. Ведь если подумать, что такое смычок? Деревянная тросточка, на которую натянут волос, взятый из хвоста монгольской кобылы! А как звучит! Какие искры чувства высекает!

– Ещё чуть—чуть и я тоже стану высекать искры чувств!

Маэстро Морфон снисходительно улыбнулся:

– Вот именно, чуть—чуть. Но как сказал великий маэстро кисти, а кисть тоже делается из дерева и, так сказать, волоса животных, в этом чуть—чуть и заключается все искусство.

– И кто же сей великий маэстро кисти?

Маэстро Морфон вздохнул:

– Карл Брюлли.

Силатор поклонился:

– Благодарю, маэстро, за урок! – и вынул из ящика бунета кипу купюр.– Примите, прошу покорнейше, скромную плату!

– Нет, нет,– отшатнулся служитель Муз,– ты ничего не должен! Ты уж наперед заплатил мне за двенадцать месяцев вперед!

– Нет, нет, маэстро! Возьмите! Ведь в вашем лице я делаю приношение Орфею, Музам, Музагету! Я ими восхищаюсь, благоговею, их обожаю, а вы, маэстро Морфон, – их служитель и в то же время храм. Другого храма нет в нашем Мытимье, да и во всем Залетье. И мне негде преклонить колени

перед Орфеем, Феями искусств и вдохновеньем опалённым Аполлоном, – и Силатор опустился перед маэстро на колени.

– Милый, безумный юноша! Встань! Ты молод, тебе столько еще понадобится в жизни. А я... я стар. Мне уже ничего не нужно. А деньги – и вовсе самое последнее.

– Вот именно! – не успокаивался Силатор. – Как раз это и нужно! Чтобы ничего уже было не надо. Чтоб человек уже просто полностью служил Музам. Вы суцкая star, звезда! Не изведёте эти деньги, не простые, а золотые, на бранные блага, а употребите на небесные. Во славу Орфея, Муз и Музагета! Берите или я заболую не обидой, а огорчением оттого, что Орфей не принял моего подношения.

Он засунул кипу купюр в карман куртки маэстро Морфона и только затем поднялся с колена.

Морфон беспомощно покачал головой:

– Не взять – обидеть, взять – покоя невзвидеть. А с другой стороны, дают – бери. И даль гонит идальго, и высота зовет!

Затем Силатор провел маэстро к выходу и вернулся в гостиную:

– О—хо—хо—хо! – тяжело вздохнул он и представил, как играет перед публикой, а та разражается аплодисментами. Всесильная музыка спасала его от головоломки, как жить дальше, ведь родители его ничему дельному не научили. Драгоценности таяли, как снег на солнце. Настал черед заветного Кохандара, перстня с крупным бриллиантом, который отец получил от матери, когда пришла пора надеть

его на палец невесте. Перстень Силатору и вовсе не хотелось трогать. Но какое дело собирателю налогов Кесарю до чьих —то желаний? Ему вынь да положь кесарево. Силатор навинтил перстень на мизинец и тоскливо взглянул в окно на куст сирени: ветви его, точно обглоданные кисти рук, тянулись вверх, кое—где на них слабо пробивались листики цвета позеленевшей меди. Силатор отвернулся и быстро сбежал по лестнице, широко выкидывая ноги.

2

Весело насвистывая, он шагал по улице широкой походкой, ничуть не сомневаясь, что чем больше отдашь Музам, тем больше от них получишь. Лавка ювелира находилась на другом конце улицы. Силатор остановился у витрины, где на клетчатом, на шахматный манер, сукне мерцали драгоценности Кровлиных в новых футлярах, среди цветов из шелка и бумаги, а жемчужное ожерелье возлежало в перламутровой ракушке. Силатор потряс редкой бородкой, будто вынырнул из воды, и толкнул дверь.

– Доброго времечка, господин Кровлин, – поклонился ему старый ювелир, завидевший его ещё сквозь витрину. – Желаете кофе? Или чего покрепче? Коньяк отличный, заграничный!

Силатор ухмыльнулся: известно, во сколько обойдётся ваш отличный заграничный:

– Давайте кофе! – оскалился в улыбке.

Ювелир – сама любезность. Лисья.

– Рыбыка, кофе! – тут же передал он куда—то за штору. И снова к Силатору. – Чем же могу быть полезен? Всегда к вашим услугам.

Силатор показал на пальце Кохандар – камень блеснул, будто глаз гадюки:

– Его величество и сиятельство Кохандар. Сколько дади-

те? Золотые горы?

Ювелир закатил глаза, заюлил:

– Ну—у—у... сколько платим за три мешка кофе. Напиток богов!

Силатор убрал руку.

– Напиток напитков вам обеспечен по утрам на р—раз, два, тр—ри, четы—ыре сезона. Ну, и булочки впридачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.